

АЛЛА ГОРЕЛИКОВА

МЕНТАЛИСТЫ
И ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
КНИГА 3

Алла Гореликова

**Менталисты и Тайная Канцелярия.
Книга 3: Испытание весной**

«Автор»

2026

Гореликова А.

Менталисты и Тайная Канцелярия. Книга 3: Испытание весной /
А. Гореликова — «Автор», 2026

Мир, где идет тайная и явная борьба за постепенно исчезающую магию.
Придворные интриги, таинственные преступления и самая обыкновенная
девушка, которая постоянно оказывается не в то время не в том месте.
И начальник Тайной Канцелярии, к проблемам которого только одной
попаданки и не хватало Третья книга тетралогии. Серия полностью закончена!
Внимание! Раньше книга публиковалась под псевдонимом Алена Кручко!

© Гореликова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1, в которой Женя тоскует по елкам и мандаринам	5
ГЛАВА 2, в которой граф фор Циррент получает крайне тревожные известия	10
ГЛАВА 3, в которой Джегейль фор Циррент собирается в путь	16
ГЛАВА 4, в которой жизнь семейства фор Гронтешей совершает резкий поворот, хотя сами они этого еще не знают	23
ГЛАВА 5, в которой Джегейль фор Циррент осознает всю глубину королевского коварства	28
ГЛАВА 6, в которой принц Ларк всерьез задумывается о воздухоплавании	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алла Гореликова

Менталисты и Тайная Канцелярия.

Книга 3: Испытание весной

ГЛАВА 1, в которой Женя тоскует по елкам и мандаринам

Женя сидела в библиотеке над листом писчей бумаги и местным календарем, сопоставляя здешние даты с домашними. Не то чтобы ее очень уж интересовало, на какое число декабря или января приходится Зимний Перелом, а вот знать дату собственного дня рождения было бы неплохо.

Но, наверное, из-за Зимнего Перелома, который был вообще-то не праздником, а всего-то «магически значимым днем», первым делом Женя посчитала, когда здесь наступает Новый год. Оказалось — всего через неделю, и эта новость отчего-то ее огорчила.

Хотя почему — «отчего-то». Причина собственной внезапной грусти была Жене вполне ясна: Новый год она любила. Елочные базары, мандарины, бесконечное буханье петард на улице, собственноручно наряженная сосенка, огромная кастрюля оливье — все это создавало по-настоящему праздничное настроение. Вот, казалось бы, что Новый год, что день рождения, смысл один — еще один год прошел. Но в день рождения на Женю накатывала хандра, жизнь казалась глобально неудавшейся, а будущее виделось таким же унылым, как настоящее. А под наряженной, сверкающей блестящими боками шариков, серебристым дождиком и огоньками гирлянд елочкой, под бой курантов и шампанское, вспоминалось все лучшее, что случилось в уходящем году, и верилось, что дальше будет еще лучше.

Теперь ничего этого у нее не будет. Один год станет сменяться другим без всяких видимых рубежей, без той атмосферы всеобщего легкого сумасшествия, которая заставляет думать о лучшем, без обмена открытками и подарками, без конфет, мандаринов и запаха хвои. Хотя, ладно уж, конфеты и запах хвои можно обеспечить себе и здесь, но ведь этого мало!

Почти машинально Женя рисовала на исписанном датами листе еловую ветку, украшенную шариками.

Новый год здесь не отмечали. В этом мире отношение к праздникам вообще было на удивление не праздничным, деловито-прагматичным. Или это не в мире, а у «дядюшки», для которого праздники вечно оборачивались лишней работой и проблемами? Все же начальник Тайной Канцелярии — не та должность, на которой можно спокойно попивать вино, отмечая очередную дату. Куда чаще ему приходится разгребать последствия чужой выпивки.

«Профдеформация у мужика во все поля», — Женя улыбнулась, вспомнив собственное здесь появление, как раз в самый разгар праздника. Граф фор Циррент, разумеется, коротал тогда ночь на работе, был страшно раздражен, и непонятное появление девушки из другого мира встретил как неизбежное зло. Даже, кажется, не удивился, хотя ей сразу объяснил, что дело это совершенно невозможное и невероятное.

Ну вот, она уже может улыбаться, думая о своем здесь появлении. Хотя за это спасибо графу, конечно. И тетушке Гелли, самой замечательной из тетушек. И еще одной тетушке, Цинни. Даже Ларку! Но ведь если бы не граф фор Циррент с его идеей объявить девушку из другого мира своей чудом нашедшейся племянницей, не было бы и остальных. И пусть граф придумал это вовсе не из абстрактного человеколюбия или жалости к Жене, а желая заполучить ее для Тайной Канцелярии — она не против! Ей ведь уже не шестнадцать лет, а почти

двадцать пять, и во взаимную выгоду поверить проще, чем в бесплатный сыр. Бесплатный сыр — он известно где!

А ей повезло. Ее приняли здесь, дали дом и семью — и отличную семью! Придумали достоверное — или просто непроверяемое? — прошлое. А взамен всего-то и просят, что делиться сведениями о своем мире, ну и помочь при случае графу в его делах. Да всегда пожалуйста! Ей и самой ведь интересно.

— Чем занимаешься?

Женя подняла голову. Надо же, думала о графе и не заметила, как он вошел!

— Доброе утро, дядюшка, не знала, что вы сегодня дома. Ничем особенным. Высчитывала, когда у меня день рождения.

— И когда же? — граф подошел, заглянул в исчерканный листок.

— Еще совсем не скоро, да и ладно, не люблю его отмечать. Зато Новый год всего через семь дней. Мой любимый праздник.

Новый год — среди зимы? Когда природа спит, ночи длинные, а дни короткие и сумрачны, когда луна светит, кажется, чаще и ярче солнца? Трудно было даже представить такую ерунду. Испокон веков наступление нового года считалось от Весеннего Перелома, когда пробуждается природа и настанет время любить.

— Станный все же у вас мир, — граф фор Циррент покачал головой. — Что за праздник в столь мрачное время? Или вы для того и веселитесь, чтобы разогнать зимнюю тьму и уныние?

Джегейль пожала плечами:

— Может быть. Честно говоря, вот уж чем-чем, а историей праздников никогда не интересовалась.

— Разрешить? — граф взял из рук девушки исчерканный лист. Так, даты всего три, одна — Осенний Перелом, день, когда Джегейль сюда попала, вторая — очевидно, ее странный Новый год, значит, третья — день рождения. Да, нескоро. — А это что? Вы вешаете на елку светильники?

— А? — девушка приподнялась, заглядывая в собственный рисунок, будто сама не помнила, что там изобразила. — Нет, что вы. Хотя вообще-то да, раньше елки украшали свечками, сейчас гирлянды с разноцветными лампочками вешают, но это просто шарик. Ну, игрушка, для украшения. Они разные бывают...

Девушка рассказывала о «елочных игрушках», «петардах», экзотической еде и прочих неизменных атрибутах иномирной смены года, и в голосе все отчетливее слышалась грусть. Что ж, хотя последнее время и казалось, что Джегейль перестала тосковать по дому, было бы странным и неправильным, если бы ностальгия вовсе ее не мучила.

Отчего-то захотелось развлечь «племянницу» чем-то таким, что и впрямь ее порадует. Все же салоны, театр, визиты, чаепития и прочая светская жизнь, которую та старательно осваивает под чутким руководством Гелли, для нее скорее работа, чем удовольствие. Девочка серьезно принимает и Тайную Канцелярию, и родство с фор Циррентами, хочет оправдать доверие...

В библиотеку вошла Гелли:

— Варрен, к тебе снова посыльный. Я надеялась, хотя бы сегодня ты составишь нам с деточкой компанию в театре.

— Я уже и не надеюсь, — граф виновато развел руками. Сложил взятый у Джегейль лист: — Я возьму?

— Подошьте к доске? — хмыкнула девушка. — Берите, конечно. Ерунда это все, займусь чем-нибудь более полезным.

— Например, новой прической, — предложила Гелли.

Граф поспешил выйти, но успел услышать немного нарочитый стон Джегейль: «О, нет!» Усмехнулся: сколько бы та ни показывала, как ее утомляет необходимость выглядеть «приличной барышней», к этому образу она тоже отнеслась со всей ответственностью. Поглядишь сейчас, как легко сбегает по узкой боковой лестнице из библиотеки к столовой, и не поверишь, что в первые дни в юбках путалась. А уж вспомнить, в каком шокирующе бесстыдном безобразии она здесь появилась...

«Все же нужно выкроить вечер для театра», — почти безнадежная мысль тут же ушла: посыльный был от его величества, а значит, откладывался до лучших времен не только театр, но любой отдых.

«Ну вот, снова театр с дядюшкой откладывается до лучших времен, — вздохнула Женя. — Причем эти «лучшие времена» вполне могут наступить летом, а то и вовсе следующей зимой».

Всего за три небольшим месяца Женя узнала о «дядюшке» не меньше, а то и больше, чем могла бы знать о настоящем родственнике. Привыкла к его сумасшедшему рабочему графику, к тому, что важные разговоры ведутся непременно в кабинете, зато за обедом или под чай можно обсудить прочитанную книгу, свежие газеты, сплетни. Стала получать удовольствие от его резких суждений, от злых, но очень метких характеристик. Мягкое ехидство тетушки Гелли тоже ей нравилось, но тетушка больше посвящала ее в светские сплетни, а граф фор Циррент уделял внимание вопросам серьезным, уровня Тайной Канцелярии, а не кумушек из салона дамы Дарианы. Женя не задавалась вопросом, натаскивает граф ее для работы или хочет, чтобы она лучше ориентировалась в местной политике и светской жизни, как его «родственница». Не все ли равно? Ей нравилось.

Вот странно, дома и новости не смотрела, а здесь без свежих газет и обсуждения их с графом чувствовала себя как будто запертой без связи с внешним миром. Может, потому что дома новости сами ее находили? Все-таки здесь жизнь не то чтобы тихая, но слишком неторопливая. Событий мало, каждая сплетня обсасывается до бесконечности. А вести из той же Тирииссы, не говоря уж о странах более дальних, даже до Тайной Канцелярии ползут иной раз так долго, что успевают утратить актуальность. Что нужно этому миру или хотя бы его спецслужбам, так это мгновенная связь! Но до изобретения не то что интернета, а хотя бы радио здесь еще невесть сколько лет, а пока — скачут по дорогам курьеры, летят почтовые голуби, а при армиях, кстати, есть специальная служба перехвата — ловчие соколы, натасканные на голубей.

После «новогоднего» разговора граф опять пропал на работе, а Женя погрязла в очередном витке светской жизни. Театр с предсказуемо нравоучительной пьесой, чай у дамы Дарианы, музыкальный вечер у дамы Розалии... Затем тетушка снова потащила ее к портному: «Неприлично третий раз идти в театр в одном и том же, меняя лишь аксессуары, да и платья для визитов пора бы обновить».

Так что Женя и думать забыла о новогодних елочках, мандаринах и шоколадках. Что толку тосковать о том, чего здесь нет и не предвидится? Шоколадки... у нее вон и кофе закончился, хотя уж так старалась экономить. Теперь — только чай. Зато, что хоть немного утешает, настоящий черный, а не тириисский травяной, и с вкуснейшими пироженками.

Поэтому, когда вдруг появившийся дома граф предложил выйти в сад, а там подвел ее к огромной елке напротив калитки, о том разговоре Женя и не вспомнила.

— У нас не принято рубить деревья забавы ради, но ветку можно срезать. Тебе большую?

Женя почувствовала, что краснеет, и морозный ветер был вовсе ни при чем. Она развела ладони, обозначая размер — сантиметров в семьдесят, примерно как та роза, которую подарил

ей Никодес. Как раз в вазу хорошо встанет. Граф осмотрел нижние ветви — огромные, пушистые, раскидистые. Выбрал подходящую, попросил: «Придержи», — и резко рубанул огромным ножом. Женя даже не заметила, откуда граф его достал!

— Ничего себе у вас тесачок, — с восторгом выдохнула она. Перехватила ветку, осторожно стряхнула остатки снега. — Спасибо.

Теперь в ее комнате будет пахнуть елкой. Женя не могла понять, рада ли этому: вроде бы лишний повод для грусти, елка елкой, а Нового года все равно не будет. Но ведь приятно!

— Разрешишь посмотреть? — кивнул граф на ветку.

— Конечно, пойдемте!

В тепле дома запах еловой смолы и хвои стал сильнее. Женя поднесла ветку к лицу и счастливо зажмурилась. Нет, все-таки хорошо!

Вазу с еловой веткой Женя поставила на низкое трюмо, предназначенное, строго говоря, не для букетов и не для ваз, а исключительно для косметики. Ну и ничего, все равно она не сидит часами перед зеркалом, наводя красоту! Зато елочка будет отражаться в зеркалах, а еще ее будет прекрасно видно с кровати.

— И еще, — граф протянул ей небольшую коробочку, обернутую куском шелка и перевязанную узкой золотистой лентой. В таких здесь вручали подарки, и Женя смутилась: вроде повода для подарков не было? — Смелее, — в голосе графа промелькнула усмешка, и Женя потянула за ленточку.

В коробочке на мягком бархате лежал шарик. Стекланный, тонкий, золотистый — настоящий новогодний шарик! Только с одной разницей — он светился! В глубине мерцали золотые огоньки, переливались, порхали мотыльками. По стеклу, тонкому, почти как мыльный пузырь, плясали блики.

— Боже, какая прелесть! — пальцы Жени замерли, не коснувшись этого чуда. — Его же страшно в руки брать!

— Лучше не ронять, но легкие чары прочности на нем есть, — граф довольно улыбался, реакция Жени ему явно понравилась. — Ну же, вешайте.

— Вы сами это придумали?!

— Как бы мне ни хотелось ответить «да», но это всего лишь вид магического светильника для детской. Правда, я попросил сделать меньшего размера.

— Все равно это чудо, — счастливо выдохнув, Женя подцепила прикрепленную к шарiku ленточку. Он закачался в руках, разбрасывая вокруг золотые блики. Да, такими бы шариками украсить елку...

В глубине хвои он смотрелся волшебю.

— Спасибо, — повторила Женя, не отрывая глаз от танца золотых мотыльков за тонким стеклом. — А знаете, я вот возьму тетюшку, съездим снова в лавку колониальных товаров. Вдруг там и какао найдется. Я, правда, рецепта шоколада знать не знаю, но всегда можно поэкспериментировать.

— Не улавливаю взаимосвязи, но пробуйте, почему бы и нет, — добродушно ответил граф. Женя наконец повернула голову — и встретилась с ним взглядами. Похоже, пока она любовалась шариком, граф фор Циррент в очередной раз рассматривал ее. Ну, сейчас-то она должна выглядеть вполне «подобающе!» — С удовольствием остался бы на обед, но мне пора. Передавать от вас привет Ларку?

— Да как хотите, — Женя рассеянно пожала плечами. — Нужны ему мои приветы, в самом деле. Лучше возвращайтесь хотя бы к ужину! У меня просто огромное желание изобразить к столу что-нибудь новогоднее. И вообще, Новый год — семейный праздник!

«Семейный праздник»...

В который раз за последние месяцы граф фор Циррент поймал себя на мысли о том, что слишком привык к одиночеству, которое скрашивали лишь редкие визиты Гелли. Он успел позабыть о том, что дом — место, где ждут близкие люди, а не крепко защищенная берлога, в которой можно как следует выспаться между двумя сложными делами. А теперь девушка, которую он сам назвал племянницей, упорно напоминала ему о простой истине: у него есть семья. Его ждут, его рады видеть, и отдохнуть он может не только за бокалом вина с Фенно-Дералем, но и за кружечкой чая с Гелли и Джегейль.

Не то чтобы он любил чай — изрядная, по чести сказать, гадость! — но общество «его дам» доставляло истинное удовольствие. И, право, он искренне хотел успеть вернуться к ужину и позволить себе забыть на время о делах. Слушать мягкий, слегка насмешливый голос Гелли, рассказывающей об очередном светском визите, отвечать на вопросы Джегейль и не думать о том, что война, по сути, уже началась. Но позволить себе тихий семейный вечер он сейчас никак не мог. В столице действуют вражеские агенты — Тайная Канцелярия вкупе с королевской полицией не успевают изобличать и вылавливать! — на верфях не хватает канатов, парусины и пушек, потому что кто-то запугивает поставщиков и перехватывает заказы, с армейскими поставками тоже не все ладно, маги делают вид, что они выше мирской суеты... Какие уж тут семейные ужины!

А новый год они отпразднуют весной. Джегейль еще не видела ни одного Весеннего Перелома, не танцевала вокруг костров под яркими весенними звездами, не ела горячее мясо, пожаренное здесь же, на едва прогоревших углях, запивая его не вином, а выдержанным кисло-сладким сидром. Не слышала, как летит к небесам слаженная, наполненная древней волшебной песнь обновления, как подхватывают ее вслед за магами простые люди, и кажется, что поет сама ночь. Она не знает, как сладко засыпать утром после этой ночи — с рассветом, а то и позже, когда тело истомлено не усталостью, а влившейся в него живительной силой.

Это, конечно, не тихий семейный праздник, но ей должно понравиться.

ГЛАВА 2, в которой граф фор Циррент получает крайне тревожные известия

После череды покушений, окончившейся крайне наглым нападением на дом начальника Тайной Канцелярии, в столице установилась опасливая тишина. Для непосвященных жизнь шла как обычно: балы и приемы, загородные пикники с игрой в снежки и чаепития под сплетни в салонах, объявления о помолвках и браках. В газеты не просочилось ни единого лишнего слова, и, прочитав сообщение о помолвке адмирала Оннара фор Гронтеша и виконтессы Эбигейль фор Циррент, никто не заподозрил бы, что тихий семейный праздник едва не превратился в кровавое побоище.

Но слухи расползались, и часть тех слухов запустили по прямому указанию начальника Тайной Канцелярии. Всей столице глаза не завяжешь, слугам, возчикам, низшим чинам полиции рта не заткнешь — даже зная, что дело секретное, какую-нибудь ерунду да сболтнут. Поэтому граф фор Циррент и не пытался делать вид, что ничего не произошло. Его кузина и племянница охотно рассказывали замирающим от ужаса, восторга и любопытства приятельницам «об этом кошмаре» — в подправленной, разумеется, версии. Всячески превознося роль принца Ларка и адмирала в спасении беспомощных женщин и красочно расписывая собственный шок от вида ужасающе изрубленных трупов: засланный убийца враг не должен был узнать, что «трупы» уже вовсю дают показания, а их амулеты изучаются верными короле магами.

И с амулетами, и с пленными дело было нечисто. Спасибо, Тил Бретишен заметил у захваченных живыми убийц сильнейшие ментальные блоки — пришлось подключать к первому допросу лично его величество, зато уж после его вмешательства ничто не мешало пленным вовсю «чирикать», вываливая информацию сплошным неиссякаемым потоком. О магистре, который проводил над ними ритуал, и о самом ритуале — сути они, конечно, не знали, но детали запомнили прекрасно. О заброшенном поместье в горах, где готовятся такие же отряды невидимок, учатся действовать слаженно, не выдавать себя даже движением воздуха, проникать сквозь любые защитные чары и любую охрану. О магах, запертых в том же поместье, накладывающих чары и заряжающих амулеты почти непрерывно, с перерывами на еду и сон, до полного истощения.

Одного лишь сказать не могли — хотя бы примерного расположения того поместья. Ни усиленный допрос, ни вмешательство его величества, еще раз просмотревшего воспоминания пленных, никаких конкретных ориентиров не дали. После выполнения задания отряд ждали на промежуточной базе, и даже дорога к ней была вложена в головы лазутчиков каким-то хитрым шифром — подсказки, куда идти, должны были всплывать по мере надобности, а до того — даже самый искусный менталист ничего не прочтет.

Тил, с полного одобрения Фенно-Дераля возглавивший очень небольшую и строго секретную комиссию по изучению добытой информации, ходил с нехорошо горящими глазами и забывал о еде и отдыхе. И кто бы мог подумать, что трусливый до полной ничтожности ученичок покойного Страунгера так разительно меняется, когда ему ничто не угрожает, а рядом происходит нечто интересное?! У Тила оказался верный глаз, замечающий мельчайшие факты, и цепкий ум, склонный к анализу, и начальник королевской полиции всерьез называл его своим самым ценным приобретением за последние несколько лет.

— Гениальный маг работал, — восторгался Тил. — Верите ли, господа, я потому лишь так долго не мог распутать плетение на этих амулетах, что и мысли не возникало о подобного рода узлах! Изящно и парадоксально: первичная напитокка, как и принято, от источника, но затем проводится ритуал привязки к хозяину, и тот становится каналом подпитки. Причем

сам он может вовсе не быть магом! Не воспринимает магическую энергию сам, но собирает ее извне и проводит к амулету.

— Это возможно? — быстро уточнил граф фор Циррент, вспомнив адмиральского повара: тот мог бы наделать амулетов хоть на всю королевскую армию, если бы не вкладывал в их зарядку собственные силы.

— Выходит, да, — Тил развел руками. — Но кто бы мог подумать! Мне встречались упоминания о магах, которые могли собирать и преобразовывать внешнюю энергию — то есть, я имею в виду, не концентрированную в источнике, а неощутимо разлитую вокруг нас. Но ведь то — маги! Притом все они были весьма сильны и искусны. А здесь... — он восторженно помотал лохматой головой. — Эти чары напоминают корни дерева: пронизывают пространство вокруг человека, собирая мельчайшие капли и проводя их через ствол к листьям.

— То есть сам человек — ствол, а амулеты — листья.

— Именно, господин граф, именно! Это, не побоюсь сказать, переворот в магической науке. Особенно теперь, когда источники...

Он замолчал, махнув рукой, но здесь и не требовалось пояснений. Источники оскудевают, и вызвавший такое недовольство ограничительный эдикт — всего лишь попытка растянуть агонию. Так же, как объявление всех источников собственностью короны в Тириссе, так же, как войны за богатые магией колонии. А в Одаре, получается, нашли альтернативный путь.

— Повторить сможете? — спросил граф. Стоило представить, каково будет сражаться против армии, сплошь увешанной амулетами, представить, каких дел натворят отряды диверсантов-невидимок на флоте и по тылам...

— Признаться, не уверен, что моей квалификации хватит, — прямо ответил Тил. — Здесь нужен хотя бы один магистр, ну... или хотя бы маг близкого уровня. Но я понимаю, такую тайну абы кому не доверишь.

— Ты десять лет учился у верховного магистра, — подначил граф. — Я так понимаю, твоя проблема — не столько в умениях, сколько в уверенности. Он не слишком-то хотел тебя учить, да. Но, узнав тебя получше, я полагаю, что ты своего не упустил, добрался до каждой крохи сведений. Попробуй.

— Попробую, конечно, — кивнул Тил. — Самому интересно.

Ларк мрачно мерил шагами кабинет. Доклад фор Циррента, хоть и содержал бесценную информацию, нисколько не радовал. Ларк привык думать, что армия Одара проигрывает его полкам по всем статьям, особенно после прошлогодней кампании, когда удалось выбить их лучшие силы. И вот, получите. На той стороне тоже не идиоты сидят, все-таки нашли способ превзойти заведомо сильнейшего противника. А уж с невидимыми лазутчиками, будьте уверены, они своего не упустят, доберутся до каждой крохи сведений! И тогда...

— Значит, мне стоит ждать невидимых убийц и магически усиленную армию.

— Причем усиленную, возможно, неизвестными нам чарами, — добавил граф. — Наш эксперт утверждает, что мы имеем дело с гением, а не просто с умелым магом уровня магистра. Его решения парадоксальны. Вам ли не понимать, ваше высочество, какие проблемы может нам сулить враг такого калибра.

Принц поморщился: обычно, обсуждая текущие дела, фор Циррент говорил прямо и резко, а когда начинал плести такие вот кружева, приправляя их «вашим высочеством», это означало одно: все плохо.

— Как насчет превентивного удара? — резко спросил он.

— Имеете в виду эту таинственную базу в горах? Признаться, у меня нет в Одаре агентов, способных внедриться туда изнутри и при этом достаточно нам верных. Ставить в таком

важном деле на шваль и отребье я не рискну. Знаете, ваше высочество, — граф прошелся по кабинету, размышляя, — знаете, я бы скорее поработал с нашими контрабандистами. Есть ведь там какие-то по селам, кто помогал вам, показывал тайные тропы? Сможете с ними связаться?

— Связаться не проблема, — Ларк брезгливо поморщился. Среди тех, кто помогал им в прошлую компанию, много было ловких людей, но очень мало тех, кто рисковал головой не за деньги или амнистию, а из эфемерного чувства патриотизма.

Граф, похоже, понял. Сказал:

— Признаться, впервые я сомневаюсь, стоит ли привлекать исполнителей за деньги. Даже не в том дело, что та сторона может перекупить, невидимость сама по себе — ценный приз.

— Для контрабандистов и бандитов, — продолжил мысль принц. — Нет, граф, для этого дела нужен или абсолютно верный Андару человек, или никто. Я подумаю. Возможно, кто-то из солдат. Офицерский состав, конечно, надежнее, но их могут узнать.

— Наверняка, — кивнул граф. — Не стоит недооценивать моих коллег в Одаре, они не могли не собрать досье на всех мало-мальски заметных наших людей.

— Кстати, граф. Помнится, ваш маг кроме амулетов невидимости говорил и о каком-то ментальном, который он не смог идентифицировать. С ним разобрались?

— Связь, как и предполагал Тил. Похоже, невидимок тренируют работать группой, что, безусловно, надежнее и дает лучшую эффективность. Один из группы координирует общие действия на ментальном уровне. Причем это не команды, а... Хм, нет, не так. Не аналог обычных команд: «Иди туда, делай то». Скорее здесь можно говорить об уровне безусловного приказа, который исполняется мгновенно, даже без осмысления. Тил назвал тот амулет «кукловод». Повторить пока не сумел, чары авторства все того же таинственного гения. Вот бы до кого добраться.

— Граф, — Ларк взглянул в зло прищуренные темные глаза, — только не говорите мне, что у вас нет досье на всех мало-мальски заметных людей Одара. Магов в том числе. Не поверю.

— Могу хоть сейчас обеспечить вас копиями, ваше высочество. Возможно, вы углядите там нечто, пропущенное моими аналитиками. Мы отсеяли тех, кто никак не может быть нашим таинственным гением, но остальные... — он покачал головой. — Я бы предположил, что это какая-то новая фигура. Возможно, из колоний. Полукровка, освоивший что-то из чуждой нам варварской магии и сумевший совместить две школы. Пират. Какой-нибудь самородок из провинции. Я нацелил самых надежных своих агентов именно на этот вариант, но пока — ноль. Впрочем, он может сидеть на той самой базе, и тогда мы доберемся до него разве что чудом.

— Дед сказал бы сейчас, что над чудесами следует долго и упорно работать, — хмыкнул принц.

— И я совершенно согласен с его величеством. Но разумных идей по поиску базы у меня пока нет.

— А неразумных? — быстро спросил Ларк.

— Авиаразведка, как выражается Джегейль. Поиск с воздуха. У них это обычное дело, можете себе такое представить? До самолетов или хотя бы дирижаблей наши возможности долго еще не дотянут, но построить воздушный шар нам вполне по силам.

Ларк нахмурился. Джегейль и ему рассказывала как-то о воздухоплавании, они тогда еще посмеялись, что подобная авантюра понравилась бы Реннару или Никодесу.

— Она называла это авантюрой.

— Поверьте, ваше высочество, так оно и есть. Полетом воздушного шара невозможно управлять. Только высота, причем лишь в определенных пределах, без точного контроля. Подняться над полем боя, чтобы отслеживать текущую обстановку — еще куда ни шло, но поиск в горах, да еще зимой, при неустойчивой погоде... Нет, право, это чистое безумие. Одно то, что я хотя бы теоретически думаю о подобном, показывает, в каком тупике я себя ощущаю. Отвратительно.

Говоря откровенно, принц Ларк ощущал себя так же. Безумная идея практически неуправляемого, сверх всяких пределов рискованного полета... Захватывает. Манит. И хуже всего, что разумной альтернативы и впрямь нет. Ларк лучше многих знал, как легко спрятать в горах военный лагерь. Даже если это временный лагерь полка на марше! А уж постоянную, строго засекреченную базу...

— Между прочем, это могут быть пещеры, — озвучил он совершенно очевидную, но отчего-то пришедшую лишь теперь мысль. — Тогда с воздуха мы ничего не обнаружим. — Он рассмеялся: — Вы чувствуете облегчение, граф? Признаться, я — чувствую. Одно дело просто безумная идея, и совсем другое — с большой долей вероятности бесполезная.

— Наши пленные не говорили о пещерах, — покачал головой граф. — Упоминали ущелье с водопадом, осыпи — их гоняли там на тренировках. Я оставлю вам стенограммы допросов.

— В конце концов, есть еще надежда на вашего Тила. Если он сумеет взять негодяев под контроль тем амулетом, «кукловодом». Они сами приведут нас.

— Взять он может, удерживать долго — проблема.

Принц коротко рассмеялся:

— Вот и видно, граф, что вы, при всем уважении, человек не военный. Вам подавай точный результат, иное не приемлете. Все, проблема решена, — он хлопнул ладонями по столу, по оставленным фор Циррентом протоколам и стенограммам. — Потрошите ваших пленников дальше и готовьтесь передать их мне, когда выпотрошите полностью. Вместе с вашим Тилом. Я пока соберу отряд.

Начальник Тайной Канцелярии посмотрел на него жестко, спросил:

— Надеюсь, соваться туда лично вы не планируете?

— Рад бы, — хмыкнул Ларк. — Но, увы, позволить себе участвовать в такого рода операции я сейчас не могу.

— Рад, что вы это понимаете, ваше высочество.

«Рано Никодеса отправил, — подумал Ларк, — вот бы кто подошел идеально. Хотя... Нет, нужен кто-то не настолько заметный. Лейтенант какой-нибудь».

На том и распрощались. Но поздно вечером, уже просмотрев оставленные фор Циррентом бумаги, тщательно все обдумав и подобрав подходящего человека для поисков, Ларк все же поймал себя на мысли о воздушном шаре. Да, безумие, да, глупейшая авантюра, крайне рискованная и почти без надежды на успех. Но, святое древо и пляшущие под ним черти, как же хочется...

Да и кто бы мы были без авантюры? Уж точно — не мужчины.

Старая сплетница фор Ганц была права насчет мягкого южного климата: стоило пересечь горы, и зима осталась где-то там, позади, сменившись приятной прохладой морского бриза и тонким ароматом невянувших трав. Промерзнув в горах до самых костей, едва не переломав ноги коням и чудом не свернув собственные шеи на опасных тропах, возглавляемый Никодесом маленький отряд наслаждался солнцем, теплом и сухими ровными дорогами. Теперь можно было без опаски гнать галопом от поселка к поселку и от имения к имению, разнося по побережью вести из столицы, собирая столь нужные принцу Ларку и графу фор Цирренту слухи и прикидывая, как бы половчее найти и захватить какого-нибудь одарского прохвоста.

Со слухами дела обстояли прекрасно, с прохвостами — не очень.

Что по-настоящему неприятно удивило Никодеса — барышня фор Циррент, предлагая авантюру со слухами, почти ни в чем не ошиблась. Нанятые Одаром пираты и в самом деле начали уже бесчинствовать у андарских берегов, намертво перекрыв морские пути, и о нападе-

ниях на поселки тоже уже говорили. Без особых зверств, но с грабежами и пожарами — право, можно подумать, ублюдки своими ушами слушали речь Джегейль и приняли ее как руководство к действию!

Непонятно было, отчего в столице до сих пор не знают о делах на побережье.

— Похоже, агенты нашей доблестной Тайной Канцелярии совсем мух не ловят, — кипел Никодес, выслушав в очередном поселке или имении очередную порцию тревожных известий.

— Возможно, мы разминутся с донесением обо всем этом, — флегматично отвечал Дастин ди Ланцэ. — Или же фор Циррент не во все нас посвятил. Обрати внимание, между прочим, пока что мы многое слышали, но ничего не видели своими глазами — никаких следов, ни очевидцев, ни даже пиратских парусов на горизонте.

— И что это, по-твоему, значит?

— Слухами можно играть с двух сторон. Гляди, наша доблестная Тайная Канцелярия с подачи милой барышни Джегейль считает, что слухи о нападениях на побережье выгодны нам в столице.

— Ну? — Никодес решительно не понимал, к чему клонит приятель.

— А может, Одару они тоже выгодны? Сам припомни, много мы слышали здесь добрых слов о короле? Только и говорят, что он не может защитить своих подданных!

Никодес зло выругался, а Дастин мрачно кивнул:

— Вот тебе и «ну». Пиши принцу, Нико. Он должен знать. И еще — ты помнишь, что барышня плела насчет ополчения? Думается мне, ее идеи срочно нужно воплотить в жизнь, и мне очень интересно, чем занят генерал-губернатор.

— Известно чем, Клалию развлекает, — скривился Никодес. Абсолютная бестолковость губернатора Южного Пригорья, как и его страсть к светской жизни, давно вошли в поговорку среди ближнего круга офицеров принца Ларка. — Вот только полномочий взять его за задницу и пнуть к делу принц нам не дал.

— А жаль. Но завернуть в Неттуэ все-таки нужно. Без сплетен о ее высочестве картина у нас, я считаю, неполная.

Нико задумчиво посмотрел на приятеля: тот сердито хмурился, кусая ус, от обычной флегматичности мало что осталось.

— Тебе бы на фор Циррента работать, а не в полку служить, — беззлобно подначил Нико. — Ишь, как увлекся слухи собирать. А не забыл, что наша цель — не слухи, а живой и разговорчивый одарский мерзавчик? В Неттуэ мы такого не раздобудем. Отправим доклад и едем дальше по побережью. Нам нужны глухие места, укромные бухточки, куда могут причалить чужие корабли, балы во дворце губернатора обойдутся без нас.

Вопреки предположениям бравого Никодеса фор Виттенца, балами во дворце генерал-губернатора и не пахло. Тревожные слухи дошли и сюда, и губернатор, отчетливо осознающий свою непригодность к военным действиям, всю строчил панические депеши в столицу — в Тайную Канцелярию и лично его величеству. Так, конечно, и до отставки недалеко, но лучше уж отставка, чем обвинение в преступном бездействии. От таких обвинений пахнет, знаете ли, государственной изменой. А он не изменник, он всего лишь приверженец мирной жизни. Пока не началась вся эта ерунда со спорными землями и перекупленными Одаром пиратами, побережье процветало под его руководством. А война — что ж, он понимает, что война требует иных талантов. Жестких решений, жестокого правления. Пусть уж его величество подберет подходящего человека, пока не стало поздно.

Клалия тоже писала в столицу. Мужу — с уверениями, что и она, и сын в безопасности, что маленький Кир здоров и весел, и что она скучает, любит и с нетерпением ожидает, когда

установится весеннее тепло и можно будет безбоязненно вернуться в столицу. Свекру — излагая тревожащие Неттуэ слухи и спрашивая, не стоит ли ей пренебречь опасностями зимнего пути и советами врачей и вернуться в столицу немедленно. Даже начальнику Тайной Канцелярии, предельно вежливо интересуясь, отчего в «южной столице» не видно никакого противодействия вражеским козням и не слышно ничего о скором прибытии королевских войск. Она, разумеется, далека от государственных дел, и не по ее уму давать советы столь искушенным господам, но не кажется ли многоуважаемому графу фор Цирренту, что столь явное бездействие роняет престиж короны?

Клалия понимала, что за всей ее язвительной вежливостью фор Циррент легко заметит панику. Что ж, она и впрямь боялась. Не за себя — за сына. Рисковать здоровьем Кира, отправляясь среди зимы по опасному горному пути в столицу, или рисковать, возможно, своей и Кира свободой и жизнью, если обнаглевшие от безнаказанности одарские наемники устроят налет на летнюю резиденцию? Охрана здесь, конечно, есть, но в действенность охраны Клалия верила слабо. Помилуйте, да ей самой лишь вмешательство нелепого случая помешало убрать Ларка прямо посреди столицы! А невесть откуда взявшийся убийца, проникший не просто во дворец, а в спальню принца?! «Безрукий неудачник», — привычно мелькнула досада, но тут же испарилась бесследно. Сейчас Ларк нужен живым, так что все к лучшему. Она погорячилась тогда. Или просто многого не замечала, ослепленная материнской ревностью? Как ни злись, что ее пасынок наденет корону, он лучший командир для андарских полков. Единственный, кому по силам выиграть эту войну.

И лучше бы ему поторопиться!

ГЛАВА 3, в которой Джегейль фор Циррент собирается в путь

«Мир изменился». Эта фраза не давала Жене покоя, вертелась в голове, тянула за собой цепочку ассоциаций: с одним из любимейших фильмов, с книгами, с прежней жизнью. Мир изменился — с тех пор, как она перестала видеть магию, все вокруг и впрямь стало другим. Оказывается, многое она попросту не замечала, принимала за блики на стекле, за случайный солнечный зайчик или отсвет огня... В глаза бросались лишь по-настоящему сильные чары, вроде охранных на королевском дворце или амулетов на вражеских наемниках.

Теперь же мир стал полностью, стопроцентно обычным. Казалось, из него ушло немного света, яркости и радуг. Но Женья-то знала: все осталось по-прежнему, просто она теперь не замечает волшебства. И от этого становилось горько и обидно, как будто потеряла что-то по-настоящему ценное.

«Попала в сказку, и только и знала что бурчать, как тебе эта самая сказка даром не нужна, — грызла она себя. — Получила что хотела, радуйся теперь».

На самом деле виноват был доктор, с его любимым назначением «отдых и полный покой». Жене попросту нечем было заняться, отсюда и всякие дурные мысли. Две недели, пока ей снова не разрешили выезжать в свет, тянулись бесконечно, и до сих пор, стоило лишь подумать, как не хочется сегодня в театр, или на музыкальный вечер, или на девичью вечеринку с фантами и щебетанием о женихах, как Женья вспоминала те две недели, и собственное «не хочется» тут же казалось идиотскими капризами.

Почему-то в тот раз вся семья, включая Ланкена и старуху Солли, восприняли это самое «полный покой» как-то слишком уж полно. Женью даже в библиотеку не пускали! Или думали, что там слишком свежи окажутся воспоминания о нападении? И почему она раньше не утащила хоть какую-нибудь книгу к себе в комнату? Слишком полюбила читать в библиотеке, устроившись в кресле у окна...

Гулять даже в саду не получалось: погода резко испортилась, колючая злая метель швыряла в лицо ледяную крупу, ветер завывал стаей голодных волков — не то чтобы Женья хоть раз в жизни слышала, как воют волки, не считая мультика «Маугли», но представляла себе это примерно так. Тетушке, правда, метель ничуть не мешала выезжать на чай к приятельницам, а вот Женья скучала дома. И к ним, как назло, гости не заглядывали. Ларку наверняка было некогда, адмирал уехал из столицы, а тетушкины приятельницы скушали байку о «нервном расстройстве» впечатлительной юной барышни и прописанном доктором полном покое. Передавали сочувствия и пожелания выздоровления через тетушку, та расписывала посиделки столичных сплетниц с присущим ей метким юмором, а Женья завидовала. Сама себе ужасалась — могла ли она думать, что станет жалеть о компании пожилых сплетниц! Но и это казалось лучше тишины и одиночества.

Да что говорить, она даже визиту Реннара обрадовалась бы! Тот, по крайней мере, забавен в своей странной неприязни. Ревнует ее к Ларку, что ли? Смешной. Но, как-никак, они с Реннаром будущие родственники, рано или поздно придется найти общий язык.

От нечего делать Женья даже написала письмо тетушке Цинни, жалуясь на отчаянную скуку. «Когда граф забредет, чисто случайно, домой из своей Тайной Канцелярии, нужно будет ему показать и спросить, можно ли отправить, не разболтала ли я здесь чего-нибудь лишнего. И как здесь вообще отправляют письма».

По графу она тоже скучала. С ним можно было бы поговорить о здешней политике, обсудить давно дочитанные «Путешествия и приключения Реярга Крия», да хотя бы потрениро-

ваться в одарском и расспросить, как вообще идут дела! Хотя бы поужинать всей семьей, неторопливо, под обмен новостями и просто разговоры...

Все-таки совершенно ужасно чувствовать себя позабытой-позаброшенной, и совсем ни к чему ей этот дурацкий «полный покой», от него только хуже делается! Вот приедет доктор, она все ему выскажет! И графу тоже... пусть только приедет.

Граф фор Циррент в те суматошные, до краев наполненные разбирательствами дни после нападения тоже думал о Джегейль и прописанном ей отдыхе. Слишком много думал! Откровенно говоря, этот «полный покой» был весьма некстати. В разговорах с «племянницей» нередко рождались вполне жизнеспособные идеи, кроме того, каким-то непостижимым образом общение с ней поднимало настроение и придавало бодрости. Даже простое семейное чаепитие позволило бы отвлечься, чтобы затем окунуться в работу с новыми силами. Но Заккендаль настаивал, что на сей раз барышню нужно строго оградить от любых треволнений, и граф не взял бы на себя ответственность за нарушение врачебных предписаний. Конечно, у Джегейль не по-девичьи крепкие нервы, но и потрясение было не из слабых. Пусть отдыхает.

Она и отдыхала — и наотдыхалась так, что прыгала и вопила от радости, словно ребенок, когда Гелли впервые после «болезни» решила взять ее на посиделки с чаем в их клуб завязтых сплетниц. И с такой детской радостью окунулась в круговорот светской жизни, что граф с трудом удерживался от насмешки: «А как не нравилось! Все познается в сравнении, не так ли?»

Впрочем, этот не слишком приятный для девушки эпизод лишь уверил его в правильности собственного решения: Джегейль, совершенно очевидно, была натурой деятельной, длительный отдых таким противопоказан.

Между тем самому фор Цирренту было не до отдыха. Тревожные вести нарастали, вздымались штормовым девятым валом, грозя смести хрупкое спокойствие предвоенной столицы. О контролируемых слухах речи уже не шло: каждый тревожный шепоток мог оказаться роковой последней каплей. Уж если до того дошло, что ее высочество Клалия шлет ему, фор Цирренту, панические письма, спрашивая совета!

Пришлось, напротив, запустить в народ толику вполне достоверной информации: король бдит, принц Ларк готовит полки, а Огненный Гронтеш — флот, на юг уже отправлены разведчики и передовые дозоры. А Тайная Канцелярия ловит вражеских лазутчиков и убийц не где-то там, а прямо в столице, так что будьте, люди, внимательны, коли углядите или услышите кого подозрительного, так не теряйтесь, а сообщите, кому следует. Да не слушайте порочащих корону слухов, вполне может статься, что нашептывают их вам враги.

Конечно, граф понимал, что все его усилия — лишь капля в море: люди склонны поддаваться панике и охотней верят плохому, чем хорошему. Следовало признать, что инициатива безнадежно упущена, остается лишь минимизировать неизбежные потери. Первый раунд остался за Одаром.

— Как такое возможно?! — возмущался Ларк, когда граф досконально, чуть ли не по букве, разъяснил ему, почему миссия фор Виттенца и ди Ланцэ запоздала и потеряла актуальность. — Чем, простите, занята ваша Тайная Канцелярия, на кого охотится королевская полиция? Вы утверждаете, что вражеские агенты сделали нас у нас же дома — почему?!

— Некоторым образом это следствие ваших побед, ваше высочество, — отвечал фор Циррент. — Нет, я не снимаю ответственности ни с себя, ни с Фенно-Дералю, мы оказались не готовы к тому, что принесут новые назначения в Одаре. Вы ведь помните прошлогодние донесения? Сколько голов там полетело после нашей победы?

— Как не помнить, — Ларк самодовольно усмехнулся.

— Следует признать, что им на смену пришли умные и талантливые люди, которых не стыдно назвать достойными противниками. Мы расслабились, имея дело с бездарностями, и теперь пожинаем плоды. Готовьтесь к тому, ваше высочество, что и вам придется нелегко. Не ориентируйтесь на прошлую кампанию, в этом году все будет иначе.

Ларк несколько мгновений молчал, хмурясь, затем резко кивнул:

— Я все же надеюсь, что следующие ваши донесения окажутся менее удручающими.

— Поговорите с его величеством, — попросил граф. — Я докладывал ему, что желательно срочно сменить губернатора Южного Пригорья и послать дополнительные силы в Неттуэ, не дожидаясь весны. Полагаю, по обоим вопросам ваше мнение окажется не лишним.

— Поговорю. — Ларк прошелся по кабинету, сжимая и разжимая кулаки, остановился напротив графа, выдохнул: — Не знаю, что делать. Никодес должен узнать о невидимках, вдруг они что там найдут. Но я не могу доверять такую информацию курьеру. Письма могут перехватить. Хоть самому все бросай и скачи туда.

— У меня схожая проблема, — пожаловался граф. — Как сообщить столь тревожные новости нашему послу в Тириссе, не доверяя их бумаге. Даже шифр могут разгадать. На самом деле, ваше высочество, выбор здесь невелик. Можно даже сказать, его вовсе нет. Если исключить письма, остаются очевидцы. Вы, я, Фенно-Дераль не можем покинуть столицу, адмирал фор Гронтеш занят флотом, Тил Бретишен недостаточно надежен для опасного поручения, зато в любой миг может оказаться срочно необходимым здесь. Остаются Ланкен и женщины. Могу одолжить вам Ланкена, он достаточно крепок для дальней дороги и отлично знает южное побережье.

— Это выход, — кивнул принц, — благодарю. А Тирисса?

— Гелли нужна мне здесь, остается Джегейль.

— Джегейль?! Но она ведь...

— Не знает языка, почти не знает мира, в случае опасности не сможет сесть в седло, — мрачно перечислил граф. — Ничего, она легко усваивает новое, а путь в Тириссу безопасен. Зато ее знает Цинни. Племянница приезжает в гости к тетушке, что может быть невиннее.

— Так странно, граф, — Ларк покачал головой, — я начал уже забывать, что на самом деле Джегейль вам не родная. Может, выделить ей охрану?

— И привлечь ненужное внимание? Благодарю! — граф презрительно фыркнул. И, уже распрощавшись, напоследок все же сказал: — Уверяю вас, мой принц, родня она мне или нет, в данном случае не имеет ни малейшего значения.

— А что имеет?

— Ей вполне по силам это дело, вот что. Она справится.

«И ее наверняка обрадует путешествие. Ей будет интересно», — граф представил, как загорятся радостью карие с зеленью глаза, отливающие на солнце старым янтарем, и улыбнулся с затаенной нежностью. Наверняка ей надоели уже однообразные пикники, вечеринки, катания и чаепития, а отъезд можно преподнести в обществе в нужном ключе. Отличный расклад. Куда лучший, чем слать в Тириссу Ланкена, как рассчитывал он поначалу.

— Я пришлю вам Ланкена, ваше высочество, — граф поклонился и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Дядюшка, это ужасно! Я тупею и покрываюсь мхом, — Женя надеялась, что ее голос звучит достаточно по-деловому или, по крайней мере, не жалобно. — Пикники, вечеринки, катания, чаепития, охи-вздохи, ровным счетом ничего интересного. Верите, даже сплетни все как на подбор — кто на кого как посмотрел и кто сколько раз вздохнул, глядя на предмет своей страсти нежной! Я скоро беситься начну!

Честно говоря, она уверена была, что граф посоветует не капризничать и напомним, что слухи о чужих охах-вздохах куда лучше, чем о твоих собственных, но тот лишь кивнул:

— Отлично, я рад. У меня как раз есть крайне серьезное дело, которое, кроме тебя, совсем никому поручить. Пойдем ко мне в кабинет.

Тут же вспомнился Ларк, тоже поручивший изнемогшему от «отдыха и покоя» порученцу «крайне серьезное дело» — учить ее одарскому. Что ж, даже если и ей граф припас что-нибудь наподобие, все равно это будет лучше выматывающей скуки.

— Всегда готова, — пошутила Женя, когда дверь кабинета плотно закрылась за ними, и граф махнул заряженной Тилом палочкой, обновляя защитные чары — привычка, появившаяся у него совсем недавно, после тетушкиной помолвки. — Рассказывайте.

Граф указал ей на кресло, сел сам. Он выглядел озабоченным и уставшим — то есть, намного более уставшим, чем обычно. Женя подавила вздох: говоря откровенно, таким, со складками у губ и покрасневшими от недосыпа глазами, начальник Тайной Канцелярии казался не слишком грозным и куда более человечным, но ей все же куда больше нравилась его жесткая версия. Несгибаемый, не сдающийся... Впрочем, сдаваться он и не собирается, а вот выспаться кое-кому здесь не помешало бы.

И все же хватки он не потерял: заметил Женин взгляд, усмехнулся, прищурившись.

— О деле и только о деле. Не перенимай привычку Гелли к излишней заботе.

— А я что, я молчу и жду инструкций, — невольно рассмеялась Женя. Она ошиблась — о таком человеке, как граф фор Циррент, нельзя судить по осунувшемуся лицу и покрасневшим глазам. И это прекрасно.

— Нужно предупредить Цинни о невидимках. Мы здесь теперь знаем об опасности, а наш посол в Тириссе остается крайне уязвим. Даже не в том дело, что его могут прийти убивать, а он и не заметит — убивать его сейчас ни к чему. Но секретные письма, шифры, тайные переговоры...

— Поняла, — кивнула Женя. — И вы боитесь сообщать такое письмом, даже шифрованным?

— Письмо может пропасть, его могут перехватить, подменить. Самую важную почту возят курьеры, но информацию такого уровня не всякому курьеру доверишь. А ты сможешь просто рассказать все Цинни. Никаких писем, ничего подозрительного в багаже, племянница едет навестить любимую тетушку. И мне не придется доверять абсолютно секретную информацию ни бумаге, ни постороннему человеку.

— Значит, я еду к тетушке Цинни?! — Женя чуть не подскочила от радости. Дело-то действительно серьезное, не отмазка вроде той, что Ларк придумал для Реннара. Путешествие! Первое настоящее путешествие в этом мире!

Граф пристально посмотрел в глаза:

— Я должен был спросить, не боишься ли, но ты, я бы сказал, подозрительно радостная.

— А чего бояться? — изумилась Женя. — Если такая поездка слишком необычна для барышни из хорошей семьи, вы бы меня туда не послали, потому что подозрительно бы выглядело. О безопасности в пути тоже наверняка позаботитесь, по двум причинам: граф фор Циррент не оставит свою единственную племянницу без должной охраны, а начальник Тайной Канцелярии не допустит, чтобы важная информация не дошла по назначению. Эх, жаль только, что тирисского я уже не выучу. Разве что по старинке, без магии.

— То, что ты не знаешь языка, в данном случае плюс, добавит тебе невинности в глазах моих тирисских коллег. Хотя должен признать, что родство со мной и с Цинни в любом случае делает тебя подозрительной, наблюдать будут весьма пристально и, возможно, не слишком дружелюбно. Но главное — без приключений добраться до Линда, а там Цинни подскажет, как себя вести.

— Линд, — кивнула Женя, — новая столица Тириссы, от андарской границы, если ехать через Кильнерен, четыре дня по реке или шесть по суше. Могут быть приключения?

— Смотрю, с географией ты осваиваешься. А приключения, дорогая племянница, могут быть в любом месте в любое время, тебе ли не знать.

— И правда, — Женя невольно передернулась: вот теперь, пожалуй, стало пусть не страшно, но все-таки немного жутковато. — Ладно, не будем о грустном. Что мне рассказать? Ведь не только о тех типах, которые чуть не сорвали тетушкину помолвку?

— О них, но не только то, что ты сама видела. Слушай и запоминай.

Понизив голос почти до шепота, он говорил о тайной базе в горах, где натаскивают невидимых убийц и лазутчиков, а маги клепают для них амулеты и проводят усиливающие ритуалы. Пересказывал выводы Тила о гениальном маге уровня магистра и собственные выкладки о том, откуда в Одаре мог бы взяться подобный самородок. Рассказывал о тревожной обстановке на юге, о полных скрытой паники письмах Клалии и прозрачных намеках на отставку от губернатора. Перечислял странные и тревожные случаи, в которых можно заподозрить вражескую руку. Женя слушала и все ясней понимала, отчего ее «любимый дядюшка» так неважно выглядит. Будет не до сна с такими делами!

— Запомнила?

— Думаю, да. Проверите?

— Не нужно. Сейчас не стоит полностью доверять защитным чарам. Иди, Джегейль, собирайся. Гелли поможет тебе с вещами, подорожная будет к вечеру. Завтра утром выезжаешь.

— Хорошо. — Женя встала и замерла: казалось неправильным просто взять и уйти. Она робко улыбнулась: — Не тревожьтесь, я справлюсь. Если честно, самое сложное во всем этом — не забывать завизжать, если на постоянных дворах будут тараканы.

— Завизжать, потребовать назад деньги и уйти, хлопнув дверью, — почти серьезно продолжил граф. — В приличных гостиницах тараканов нет, а в неприличных виконтессе фор Циррент останавливаться не с руки.

— Поняла, запомню, — кивнула Женя. И добавила, уже выходя: — На самом деле я правда боюсь тараканов. Позорище, да? Но на них у меня рефлекс не визжать, а хватать тапок и бить со всей дури. Тоже не с руки виконтессе фор Циррент, я понимаю.

Вряд ли его на самом деле развлек ее глупый треп, но хоть улыбнулся, и то хлеб.

— На постоянных дворах не ешь в общей трапезной, требуй подавать еду в номер, — наставляла «племянницу» Гелли. — Если женщина ест в общем зале в одиночестве, это расценивается как приглашение.

— Но я же с Солли буду?

Гелли аж руками всплеснула:

— Служанка не ест за одним столом с госпожой! И потом, деточка, между нами... Солли в ее годы тяжело путешествовать, ты ее береги. Просто некого больше с тобой послать, а одной...

— Понимаю, одной совершенно неприлично, — кивнула девушка. — Вот если б кто мне еще объяснил, как сочетается «беречь» и «не есть за одним столом»?

— Солли объяснит, доверься ей. Она знает, что тебе нужно иногда подсказывать, как правильно.

Джегейль сосредоточенно кивнула, и Гелли продолжила наставления:

— Плати строго по счету, но отблаговари отдельно горничную, делавшую тебе постель и помогавшую с одеждой — серебряной монеты и доброго слова вполне хватит. Не вступай в разговоры, ты незамужняя девица и должна вести себя крайне скромно.

— К тому же мало ли кто и зачем пытается втереться в доверие, — кивнула Джегейль. Она слушала не просто внимательно, а с таким видом, будто мысленно записывает каждое слово, временами переспрашивала что-то — обычно о мелочах, которые самой Гелли казались насквозь понятными, не требующими вообще никаких объяснений.

— Гардероб маловат, зря не поторопили портного, — Гелли критически оглядела разложенные на широкой кровати платья, единственный костюм для прогулок, всего две теплых накидки, ворох обуви, перчаток, кружевных и вышитых воротничков, платочков и шейных косынок. — Ну да ладно, если удержишься там, Цинни тебе закажет.

— Да, по тириССкой моде, — Джегейль чуть заметно поморщилась и тут же виновато улыбнулась: — Снова примерки...

— Ничего, зато попробуешь знаменитые линденские вафельные трубочки, — утешила Гелли. — Вот тоже загадка: вроде и рецепт известен, а нигде больше таких не делают. Кто ни пытался повторить, все не то! Право, жаль, что братец не занимается такими делами. Все-то у него политика, государственные интересы...

Они дружно рассмеялись.

На самом деле Гелли тревожилась за девушку — отправлять ее одну в достаточно долгую поездку, через границу в чужую страну, зимой, да еще и накануне войны, казалось неправильным. Слишком рискованным. Но сама Джегейль волновалась лишь о том, как бы не наделать ошибок, общаясь с трактирщиками, горничными, конюхами, пограничной стражей и прочими, кто может встретиться в пути. Она восприняла поручение Варрена как-то очень уж легко, даже радостно, и сейчас, несмотря на озабоченность и сотни вопросов, прямо-таки сияла предвкушением. Смеялась, спрашивая о том, что именно рассказать Цинни о помолвке, не хочет ли и тетущка Гелли передать на словах что-нибудь, чего не доверишь бумаге. Сетовала, что даже в дорогу не может позволить себе надеть «родную» одежду, объясняя, что в брюках и удобнее, и чувствует себя увереннее. Заучивала наизусть по карте Линда дорогу к дому графа ди Скавалля: «На всякий случай, мало ли что», — и вот это, похоже, была уступка тревоге, какому-то дурному предчувствию, о котором деточка не хотела говорить. А может, она просто отличалась параноидальной предусмотрительностью, примерно как братец Варрен? О таких чертах ее характера пока что трудно было судить.

И на все это им оставался единственный вечер! Деточка готова была просидеть за сборами и ночь: «А что такого? В дороге отосплюсь!» — но вскоре после полуночи Гелли все же отправила ее в постель, объяснив, что как раз в дороге, хоть и нечем заняться, разумнее внимательно смотреть за окном, чем спать.

Варрен примчался проводить в последний миг, когда деточка уже, похоже, думала, что отправится без его напутствия, и расстроилась. Вида не показывала: она всегда понимала, что такое для Варрена его работа, но Гелли заметила и погрузневший взгляд, и пальцы, в который раз нервно перебирающие дорожную, разрешение на въезд в ТириССу, неперменные совершенно безобидные письма...

— Вроде ничего не забыла, — вздохнула она, — что ж, пора. Счастливо оставаться, тетущка Гелли, не скучайте тут! Эх, как же досадно, что здесь нормальной быстрой связи нет! Ну да ладно, что ж делать, приходится жить с тем, что есть.

Тут-то братец и появился, с совершенно покрасневшими от которой уж бессонной ночи глазами, во главе пятерки верховых. Сказал быстро:

— Джегейль, это твоя охрана. Старший — лейтенант Бертон фор Ганц, из отряда телохранителей принца Ларка и, кстати, родич твоего знакомого Дастина ди Ланцэ, это я не столько для сведения, сколько в качестве рекомендации. Со всеми вопросами обращай к нему.

Джегейль счастливо улыбнулась:

— Мне кажется, дядюшка, для рекомендации вполне достаточно ваших слов «я ему доверяю». Учитывая уровень охраны принца Ларка, — глаза ее блеснули, и она поспешно добавила: — Наверняка достаточно высокий, раз он все еще жив. Но, кстати, разве это не подозрительно? Почему племянницу графа фор Циррента охраняют люди принца?

— Идея его величества, — слишком, пожалуй, бесстрастно объяснил Варрен. — В свете последнего газетного скандала...

— О-о, — протянула Джегейль, — суду все ясно, можете не продолжать. Надеюсь, это никого из нас ни к чему не обязывает?

— Только дает пищу слухам.

— Тоже хорошего мало. Ну ладно, будем считать, король знает, что делает, — Джегейль вздохнула с явной досадой.

Пятерка телохранителей слушала все это с каменными лицами, только лейтенант хмурился: наверняка уловил недовольство и некоторый скепсис девушки. Ничего, она и не обязана радоваться: его величество и впрямь поставил их всех в неловкое и весьма двусмысленное положение. И, пожалуй, очень хорошо, что деточка это поняла.

Варрен помог ей подняться в карету, к задремавшей в ожидании Солли. Что-то тихо сказал. Гелли покачала головой: скомканное, на чужих глазах прощание ей решительно не нравилось. Но, с другой стороны, охрана в пути — это хорошо, очень хорошо.

ГЛАВА 4, в которой жизнь семейства фор Гронтешей совершает резкий поворот, хотя сами они этого еще не знают

Оннар фор Гронтеш, первый адмирал Андара, в авантюрах знал толк. Добрая половина его жизни лишь из них и состояла: в разной степени самоубийственных, удачных или не очень, на грани закона или за гранью. Любовь к авантюрам принесла ему прозвание «Огненный Гронтеш», которым, кажется, куда больше гордился Реннар, чем он сам, народную любовь и несколько лет суровой опалы.

Сидя без дела в замшелых стенах родового замка, опальный адмирал возненавидел собственную способность ввязываться в приключения. Ненависть продержалась ровно до того мгновения, когда, вернувшись в столицу, он едва не словил пулю убийцы.

Тогда и понял: отними у него эту страсть, возрасти на ее месте разумную осторожность, и Огненный Гронтеш умрет. Сам, и убийцы не потребуются. Нет уж, он останется собой, и гори все огнем. Будет жить, как всегда жил — не оглядываясь.

Сын удался в него, тоже не умел оглядываться и беречь себя, вот только молодая дурь мешала эффективности. Реннар ввязывался в авантюры ради самого процесса, ради ощущения риска и радости чувствовать себя победителем. Но с этим ничего не поделаешь, само пройдет с опытом. Мешать сыну набираться опыта адмирал не собирался.

Иное дело — женщины. Дочь, сестра, а теперь еще и невеста. Ради их безопасности адмирал фор Гронтеш готов был на многое. И уж самое малое, что может он сделать — привезти дочь и сестру в столицу! Родовое гнездо — не слишком надежное укрытие, когда в нем нет ни одного мужчины, кроме слуг. После нападения невидимых убийц даже собственный столичный особняк не казался надежным. Поэтому адмирал охотно согласился, когда фор Циррент предложил приютить будущих родственниц у себя.

Однако, надеясь на охрану Тайной Канцелярии, собирался и от себя внести лепту.

— Все еще таскаешь за собой личного повара, братишка? — подначила Унна, увидев, как следом за братом спускается из кареты Есин.

— Старею, — отшутился он, — привыкаю к комфорту.

Есин тонко улыбнулся, поклонился хозяйке дома. Станным образом эти двое отлично спелись, хотя Унна полагала не женским делом учить варварские слова, а Есин вполне успешно делал вид, что переводческого заклинания к нему никогда не применялось. Возможно, взаимному уважению помогало то, что Унна бестрепетно допустила чужака в святая святых — на кухню, а тот не гнушался помогать женщине в ее маленьком садике, разбрасывая навоз под кусты смородины и показывая, как прижать ветвям яблонь изысканные изгибы.

Сильвия с визгом выбежала во двор, кинулась на шею:

— Папа, папа приехал!

— И это благородная барышня, — он обнял дочь, невольно отметив, что та за каких-то пару месяцев успела окончательно утратить подростковую голенастость, округлиться в нужных местах: уже не девчонка, а девушка. — Благовоспитанная. Почти невеста.

— Ой, папа, не занудствуй! — «почти невеста» еще и ногами поболтала, повиснув на его шее. — Я жениха хочу такого, как Рени, он меня понимает! А тетушка Лили-Унна говорит, что у меня твой темперамент, вот! И лучшее, что может сделать мой будущий муж — просто смириться!

— Мужу будущему это скажешь, — адмирал сдержал улыбку, но обмануть Сильвию нарочитой строгостью ему не удалось. Впрочем, перед долгой разлукой он полагал уместным показывать родным любовь, а не строгость, так что притворяться и дальше не стал.

— Надолго? — спросила Унна.

— За вами приехал. Времена наступают сложные, боюсь вас одних здесь бросать. В столице надежнее будет. Собирайтесь, мы с Есином в рошу ходим, пока светло. Вечером расскажу все, а завтра хорошо бы выехать.

— Так быстро?! Братишка, мы все-таки женщины, а не твои офицеры! В столицу все же, мыслимо ли при такой спешке собраться и ничего не забыть?! И сидр еще не созрел. Неделью, не меньше!

— Завтра, Унна, — почти приказал адмирал. — Бросишь свой сидр, черт с ним. А если что забудете, в столице обзаведетесь всем заново, еще и порадуетесь, знаю я вашу женскую натуру. Не спорь, Унна, не могу я ждать. Война подступает. Сильвия, помоги тете собраться.

— Хорошо, папа! Тетушка Лили-Унна, ну не дуйтесь так! Мы едем к Рени!

Сильвия убежала чуть ли не вприпрыжку. Конечно, что ей какая-то далекая непонятная война, когда вдруг сбывается самое заветное желание. О том, что и Рени, и отец могут не вернуться с войны, она пока еще не думает.

Реннар фор Гронтеш тоже не думал о том, что на этот раз может и не вернуться с войны. И о самой войне не думал. Его занимали куда более важные и тревожные мысли.

Помолвка отца с виконтессой Эбигейль фор Циррент вызвала у Реннара смешанные чувства. С одной стороны, он был рад: теперь можно не опасаться, что отец захочет женить его на Джегейль. Конечно, заполучить наглую девицу в родственницы — тоже радости мало, но хоть не жена! С другой же... Если Джегейль фор Циррент нацелилась на Ларка, ей эта помолвка со всех сторон выгодна! Она, так же, как и сам Рени, теперь избавлена от матримониальных планов в отношении семьи фор Гронтеш, с фор Виттенцем, если слухи не врут, девица тоже успела расплесться, ловко обидевшись на неосторожное пари. А много ли еще найдется в столице женихов из семей, равных фор Циррентам по знатности и положению?

А вот недобрым мыслям о мачехе Реннар дал решительный отпор. Старшая виконтесса фор Циррент — по всем отзывам весьма достойная женщина, и если отцу она понравилась настолько, что тот забыл свой долгий траур по матери, пусть будут счастливы. Ларку вольно не любить мачеху, ее высочество Клалия — отменная интриганка и хищница, но не все женщины одинаковы. Реннар верил, что уж кто-то, а отец не мог ошибиться в выборе достойной супруги.

И все же глодал Реннара неясный червячок то ли сомнения, то ли тревоги, а может, ревности. Отвлечься от этого тянущего, муторного чувства помогали тренировки — изнурительные, до темноты в глазах. Не время болеть. Пора возвращаться к делам, тогда и думать о всякой ерунде некогда станет.

После одной из этих тренировок и застал его однажды Ларк — в испарине, с трясущимися от боли и напряжения руками, недовольного собой. Дождался, пока он переоденется и выпьет все оставленные лекарями лекарства, придвинул к столу мягкое глубокое кресло, помог сесть. Излишняя, по мнению Реннара, забота раздражала, казалось, принц намеренно тянет время, а ведь пришел наверняка по делу!

— Ларк, я не хрустальный, — проворчал он, осторожно усевшись, и с досадой спрятал ладони от слишком внимательного взгляда: руки все еще дрожали. — Немного устал, только и всего.

— Вот и ладно, как раз отдохнешь, я приехал немного развлечь тебя, — ответ прозвучал слишком легкомысленно, чтобы Реннар не заподозрил подвоха.

Принц подождал, пока подадут вино, и развернул сложенный вчетверо лист писчей бумаги. Расправил, проведя ладонью, взглянул на Реннара, кусая губы, как бывало, когда он сильно в чем-то не уверен и хочет обсудить так, чтобы не узнал никто лишний.

Реннар нагнулся к листку. Какой-то кривой овал, заштрихованный неровной косой клеткой, полосы, квадратики...

— Что за детские каракули?

— О, ты же сам видел манеру Джегейль рисовать, когда она увлечена объяснениями. Это, — Ларк смущенно кашлянул, — воздушный шар.

— Что, прости?

— Устройство для полетов. Ненадежное и примитивное, по ее словам, но для воздушной разведки может подойти.

Ларк рассказывал, обводя пальцем неровные линии, объяснял что-то о высоте, балласте, воздушных потоках, а Рени думал, что, пожалуй, ошибся. Джегейль фор Циррент точно не метит в королевы, иначе не пыталась бы угробить принца до свадьбы и до коронации. Но и в то, что граф фор Циррент проглядел в собственной семье вражеского агента, поверить было трудно.

— Я уже ничего не понимаю, — невольно пробормотал он, даже не заметив, что говорит вслух. — Чего она хочет?!

— Полагаю, ничего особенного, — Ларк небрежно пожал плечами, — ей просто нравятся интересные собеседники. Но я, — его взгляд стал мечтательным, — я хочу, Рени. Я хочу вот это.

Дорога до столицы показалась Сильвии невыносимо долгой. Да еще тетушка то и дело недовольно поджимала губы и ворчала, что взгляд «взбалмошной девчонки» стал слишком уж мечтательным. Что плохого в мечтательном взгляде?! Сильвии не терпелось повиснуть на шее у братика, потребовать, чтобы он показал все самое интересное, рассказал обо всех своих дуэлях и прочих приключениях, о которых папа отзывался, недовольно сжимая губы, может даже, как-нибудь ненароком познакомил с принцем Ларком! То есть, вообще-то, наверное, папа отведет их с тетушкой Лили-Унной во дворец, представить официально, но ведь это совсем не то! Хотя, конечно, тоже интересно.

В плотно задвинутую шторку просторной дорожной кареты била метель, тетушка куталась в накидку из пушистого лисьего меха и вздыхала: «Скорей бы постоянный двор, там хотя бы можно будет согреться». А Сильвия считала в уме, сколько постоянных дворов — обедов и ночевок — осталось до столицы. Если бы не нужно было давать отдых коням, если бы фор Гронтешиам пристало пользоваться почтовыми, они доехали бы куда быстрее! Но папа запретил настрого, и вовсе не «потому что не пристало», а «потому что опасно». Чем опасно, почему? Она бы спросила, но папе было не до ее вопросов. Жаль; но, может, Рени объяснит.

А еще она очень боялась знакомиться с будущей мачехой. Папа сказал, что та замечательная и очень добрая, тетушка тоже успокаивала, мол, слышала о виконтессе фор Циррент лишь хорошее. Но ведь одно дело — чужая дама, и совсем другое — мачеха! Во всех романах мачеха обязательно ревнует к первой жене и ненавидит детей своего мужа от другой женщины. Вдруг и виконтесса фор Циррент невзлюбит Сильвию?

Если бы папа ехал с ними, было бы спокойнее. Но он, задержавшись в поместье лишь настолько, чтобы самому проконтролировать отъезд семьи, отправился по каким-то своим делам, о которых сказал лишь: «Вам ни к чему знать». Отправил с ними Есина — тот, конечно, сумеет их защитить от разбойников или волков, но ведь не пристало повару, пусть даже он не только повар, защищать благородную девицу от ее собственной будущей мачехи? А тетушка страхи Сильвии высмеяла. Сказала:

— Твой отец никогда не выбрал бы недостойную женщину! Ты должна уважать будущую госпожу фор Гронтеши так же, как уважала бы мать и как уважаешь меня.

Сильвия вздохнула: нельзя, конечно, говорить этого тетушке Лили-Унне, но свое отношение к ней Сильвия скорее назвала бы любовью, чем уважением. Уважение — это ведь когда боишься разочаровать человека, когда беспрекословно его слушаешься и во всем доверяешь его мнению, так? А Сильвия, хоть и слушалась тетушку, нередко обманывала ее, тайком сбегая из поместья на обрыв или в священную рощу — там и там ее охватывали совершенно волшебные чувства, становилось как-то по особенному радостно-спокойно и хотелось взлететь. Между тем тетушка запрещала выходить за ворота без сопровождения — что за ерунда, как будто что-то может с ней случиться в местах, которые еще с Рени вдвоем облазили и изучили до последнего камешка!

А еще, когда тетушка спорила с папой или ругала Рени, Сильвия всегда-всегда мысленно с ней не соглашалась. Потому что негоже дамам лезть в дела мужчин!

И какое же это получается уважение? А любовь — это просто любовь.

С другой стороны, хорошо, наверное, что тетушка не сказала «ты должна любить будущую госпожу фор Гронтеш». Потому что уважение можно хотя бы заменить вежливостью, а чем заменишь любовь? Она или есть, или ее нет, и нельзя полюбить по приказу.

Поэтому Сильвия старалась просто не думать о будущей мачехе, а вместо этого думать о Рени, о том, как им весело будет вместе, и о том, скоро ли вернется из своей таинственной поездки папа.

Между тем будущая мачеха Сильвии совсем не думала о падчерице: к чему гадать о дне завтрашнем, когда и сегодня хватает забот? Зато в ее мыслях нет-нет, да проскальзывал будущий пасынок. Сильвия никуда не денется, а остолоп Рени уйдет воевать, и было бы очень неплохо успеть вложить в его разудалую голову хоть немного здравого смысла. Вопрос только — как? Эбигейль фор Циррент никогда не воспитывала своих детей, куда уж чужим разума вправлять, тем более — взрослому, много о себе мнящему юноше?

Если вспомнить некоторые обмолвки Варрена, даже Грент Фенно-Дераль, мужчина весьма резкий и убедительный, к тому же имеющий возможность подкрепить свои аргументы всей мощью королевской полиции, не достучался до мозгов Реннара фор Гронтеша. А значит, пронять его увещеваниями невозможно в принципе. Но если так... Гелли не сдержала задорную улыбку. Если так, остается единственный, кого юный фор Гронтеш слушает и, пожалуй, почти боготворит — принц Ларк. Вот кто должен пресечь нездоровую тягу к авантюрам своего порученца!

Жаль, что Джегейль уехала, вот уж кого принц готов слушать часами. Но, с другой стороны, Рени откровенно невзлюбил младшую виконтессу фор Циррент, так что, может, оно и к лучшему. Джегейль никак не должна быть замешана в очередное безумство этих двух шалопаев. А что какое-нибудь безумство рано или поздно случится, Гелли не сомневалась: не с характером Ларка пройти мимо приключения, особенно, если оно само стучится в дверь.

И тогда нужно просто среагировать вовремя и правильно. И не ей, ни в коем случае не женщине! Не Фенно-Дералю — это лишь обострит и без того натянутые отношения. Не королю — король останется последней инстанцией, как говорят юристы. Значит, остается Варрен.

— А что, братец, как нынче дела у принца? — спросила она вечером, после того как весь день так и сяк вертела в голове весь этот расклад. Раз уж выдался редкий в последнее время случай, когда Варрен сумел выбраться домой поужинать, ей хотелось воспользоваться моментом и обговорить свои раздумья, сомнения и тревоги. В самом деле, не с дамами же в салоне милой Дарианы делиться такими мыслями?

Варрен пожал плечами:

— Как у него могут быть дела? После твоей такой бурной помолвки все дергался, тревожился за своих людей на юге, но когда туда поехал Ланкен, вроде немного успокоился. Собирает свою гвардию, дергает вопросами Тила, требует новые амулеты.

— А тот и рад? — улыбнулась Гелли. — Тил хороший мальчик, хотя Страунгер его подпортил. Но теперь выправляется.

— Трусоват и болтает много. Но умный, этого не отнять.

— Не всем же быть героями. И вот что я, братец, тебе скажу, в окружении Ларка просто необходим хотя бы один умный трус. Это, конечно, не гарантия, что наш принц не ввяжется в очередную отважную глупость, но больше надежды, что его быстро вытащат.

Варрен задумчиво допил вино.

— Гелли, это намек?

— Помилуй, братец, не та тема, чтобы затуманивать ее намеками. Я прямо тебе говорю, да ты и сам понимаешь, что рано или поздно Ларку станет достаточно скучно для того, чтобы ввязаться в очередную дурную авантюру. Я только все думаю, как бы воспользоваться этим и наглядно показать Реннару, что нужно взвешивать последствия...

— Реннару? Ты считаешь, Ларку это показывать уже бесполезно?

Гелли тихо рассмеялась.

— Наоборот. Наш принц взрослеет на глазах, и если раньше они с Рени друг друга стоили, то сейчас юный фор Гронтеш тянет его назад.

— Да, Джегейль верно сказала: слабое звено. — Варрен откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Гелли сидела тихо, боясь потревожить его размышления. Она знала: если ей самой верные решения приходят спонтанно, то Варрену требуется тщательно все взвесить и обдумать, может даже, не один день. Но сейчас она чувствовала, что заронила тему для раздумий очень вовремя. И в конце концов Реннару фор Гронтешу все же придется использовать голову по назначению.

ГЛАВА 5, в которой Джегейль фор Циррент осознает всю глубину королевского коварства

Лейтенант Бертон фор Ганц — кстати, как в первый же день выяснила Женья, родич не только Дастина ди Ланцэ, но и милейшей дамы Дарианы, главной столичной сплетницы, — оказался на редкость спокойным, даже флегматичным, но при этом настоящим параноиком. К тому же умеющим использовать голову по назначению, а не только как подставку для шляп. Очень странное сочетание, хотя при такой работе и при такой тетушке, пожалуй, не удивительно.

Старше Ларка и его приятелей: лет, наверное, под тридцать, высокий и полноватый, слегка грузный, он напоминал сытого ленивого медведя. Самое же приятное, что держал себя с добродушной вежливостью женатого и довольного семейной жизнью мужчины — бальзам на душу после всех этих дурных пари, танцев, сплетен, после ухаживаний Никодеса и откровенной неприязни Реннара, даже после Ларка, который хоть и не позволял себе ничего предосудительного, но все же оставался первым женихом королевства.

Рядом с Бертоном фор Ганцем было спокойно, и ехать под его охраной тоже было спокойно.

Как уж он охранял Ларка, что тот едва выпутывался из сплошных покушений, Женья не знала и, пожалуй, не хотела знать, но к безопасности виконтессы Джегейль фор Циррент лейтенант фор Ганц подошел крайне серьезно.

Своих людей он распределил так, словно они двигаются по вражеской территории. Двое впереди проверяют дорогу, один прикрывает карету сзади, один у левой дверцы, а сам лейтенант — у правой, то есть с той стороны, где сидит подопечная барышня. При этом, надо отдать должное, не досаждал разговорами, уделяя все внимание лесу у дороги. Обзор, правда, перекрывает; Женья хотела было попросить его немного сместиться, но вовремя одумалась: выглядеть это будет, как девичий каприз, да по сути так и есть. Нечего мешать человеку работать, особенно, когда от его работы зависит твоя безопасность. Поэтому Женья даже не пыталась заговорить с ним, а на окружающую природу любовалась в узкую щелку между краем окошка и лошадиной шеей.

На постоянных дворах порядок сохранялся примерно тот же, разумеется, с поправкой на помещение и людей вокруг. Самой Жене ни разу не пришлось вступить в переговоры о дневном отдыхе или ночлеге: корм для коней, комната и еда для нее и Солли, горячая вода для мытья, слишком громкие соседи за стенкой — лейтенант фор Ганц заботился обо всем. Он и расплачивался за все сам, и когда Женья спросила, действительно ли это входит в его зону ответственности, ответил флегматично:

— Так безопаснее.

— Но вы не должны платить за меня? — удивилась Женья.

Уголки губ, едва видные под пшеничными пышными усами, слегка приподнялись:

— Это не мои деньги, не тревожьтесь, барышня. Ваша поездка оплачена короной.

— Вот как, — пробормотала Женья. «Дядюшка» ничего такого ей не говорил. Хотя мог и не успеть, или счесть неважным: слишком мало времени было на сборы, а это явно не та информация, которую можно назвать вопросом жизни и смерти. Но все же, как говорили в ее родном мире, «осадочек остался»: не может быть, чтобы граф фор Циррент не мог сам оплатить путешествие своей племянницы к сестре. Сугубо семейное дело, по крайней мере, так оно должно выглядеть, и при чем тут корона?! Король здесь крайне умный мужик, не мог он не подумать, что портит игру своей же Тайной Канцелярии! Значит, в этой финансовой путанице есть более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд...

Над всем этим следовало поразмыслить. Не спрашивать — вопросы могут оказаться неуместны, не выказывать недовольства или сомнений — мало ли... Просто взвесить все плюсы и минусы, которые дает королю столь явное покровительство, обдумать самой, потом поговорить с Цинни, а уж она наверняка объяснит, стоит ли поднимать эту тему с графом, когда Женя вернется. Может, у нее просто паранойя разыгралась? Может, в этом мире нет ничего предосудительного в подобной ситуации? Хотя вряд ли, ой, вряд ли, граф ведь сам признал, что это дает пищу слухам! И он совсем не выглядел довольным.

Женя прикрыла глаза, пытаясь как можно лучше вспомнить свой отъезд, лицо «дядюшки», его слова, малейшие оттенки голоса... Кольнуло досадой: граф был вполне очевидно уставшим, нервничал, и что-то такое мелькнуло во взгляде, чего она тогда не поняла, но бессознательно отметила и запомнила. Тревога? Нежелание отпускать? Да нет, вряд ли, с чего бы...

Почему-то стало грустно, и Женя, отложив пока мысли и воспоминания, принялась смотреть в окно. Там, за окном, медленно плыл назад темный ельник, нависали темные, почти графитного цвета тучи, и обычно добродушное лицо фор Ганца тоже казалось каким-то темным, мрачным и озабоченным. Даже не по себе сделалось.

А Солли тихо спала, укутавшись в меховой полог, и Женя позавидовала ей: сама она точно сейчас не уснет, и не поймешь, что хуже — тревожные и грустные мысли или то напряжение, которым веет от лейтенанта. Скорее бы добраться до постоянного двора, выпить чаю, согреться и успокоиться хоть немного! Всего второй день пути, а она уже вовсю нервничает, вот уж глупость...

Карета подскочила на ухабе, фор Ганц наклонился к окну, сказал:

— Задерните шторку, барышня.

— Что случилось? — испуганно спросила Женя. В памяти замелькали все эпизоды с ограблением и угоном карет из исторических фильмов, и она с досадой подумала, что даже не знает, как в этом мире и этой стране обстоят дела с разбоем на дорогах. Хотя, если судить по аналогии...

— Ветер поднимается. Выстудит вас, а то и снега внутрь наметет, — голос лейтенанта был ровно таким же спокойным, как обычно, и Женя, послушно кивнув, плотно задернула кожаную шторку. Хотя в глубине души все же не поверила такому безобидному объяснению.

С закрытым окном начало тряссти сильнее, отчетливей стало слышаться завывание ветра, в котором Жене тут же почудилось что-то зловещее.

— Нервы шалят, — пробормотала она. — Нервы-нервишки шалят-пошаливают.

Проснулась Солли, спросила:

— Что вы, барышня?

— Нет, ничего, — торопливо ответила Женя. — Простите, что разбудила. Там, кажется, метель надвигается.

— Ничего, барышня, не страшно. Кони у нас сильные, мужчины в сопровождении. Не заметет, — Солли успокаивающе погладила ее по руке, как ребенка.

«М-да, — подумала Женя, — всяких ужасов навоображала, а и не думала, что самой метели бояться нужно. Может, здесь еще и волки водятся? Даже наверняка водятся: лес есть, с экологией все в порядке, значит... Так, срочно успокоиться!»

— Да у вас, барышня, совсем ручки заледенели! Ну-ка, укутайтесь хорошенько, — Солли почти силой заставила замотаться в тяжелый меховой полог, тот самый, которым укрывалась сама. «Два индейца под одним одеялом не замерзли», — всплыло в памяти, и Женя невольно улыбнулась. — Ничего, вот доберемся до постоянного двора, попросим господина лейтенанта заказать горячего глинтвейна, хоть и не подобает девушке, но в такой холод да метель можно сделать послабление. Только в номере, барышня, а уж пока будете в общем зале у огня отогреться, придется потерпеть.

— Да, я помню, — кивнула Женя. — Скорей бы, и правда, хоть куда-нибудь уже доехать!

Бертону фор Ганцу, лейтенанту телохранителей его высочества, тоже очень хотелось хоть куда-нибудь уже доехать. Неопытная девица и ее старая служанка могут не уловить в свисте и вое метели далеких рулад вышедшей на охоту волчьей стаи. Но он-то слышит! Хорошо еще, барышня поверила объяснению и без лишних вопросов и споров закрыла шторку. От волков не защита, но хоть не будет видеть, что снаружи творится, и не станет паниковать в самый неудачный момент.

Бертон фор Ганц не был очень доволен заданием, хотя важностью доверенной его отряду миссии вполне проникся. Шутка ли, когда сам король просит присмотреть за барышней, потому что та нужна короне. Похоже, газетчики не так уж много приврали о ней и принце, и его величество всерьез рассматривает барышню фор Циррент как возможную будущую королеву. Более того, как желательную королеву! Ему ли, телохранителю, не знать, сколько у Ларка было пассий, но ни одна не вызвала и тени королевского интереса, а тут — охрана. Путь, правда, и в самом деле небезопасный, и едет барышня, вроде бы, по государственной надобности, но все же.

Поэтому Бертон приглядывался к младшей виконтессе фор Циррент весьма пристально. Ларка он успел неплохо изучить. Объектом охраны тот был трудным, но в остальном Бертону нравился, и лучшего короля в будущем тот не желал. И уж точно Ларк заслуживал самой лучшей королевы! А семейство фор Циррент хоть и достаточно родовито, но королева... не слишком ли? Еще и девушка непонятно откуда свалилась, чего от такой ждать?

Однако первое впечатление оказалось в целом приятным. Серьезная, внимательная, без склонности к капризам, осознающая свою нужду в советах, барышня фор Циррент не доставляла проблем охране. Не жаловалась на утомительную тряску, плохую дорогу, неприятное общество или недостаточно изысканную пищу на постоянных дворах, выгодно этим отличаясь от большинства знакомых Бертону фор Ганцу дам. Отдыхала в отведенной ей комнате, не сетуя на тесноту, шум и неудобства, и очень быстро собиралась, когда ей сообщали, что отдых окончен и пора выезжать. Право же, принц мог бы поучиться у своей невесты, как себя вести, чтобы не мешать телохранителям защитить тебя от убийц!

Того, что мысленно он уже называет барышню фор Циррент невестой принца Ларка, лейтенант даже не заметил. Он думал о том, что где-то впереди ждет настоящее тепло, добрая кружка горячего вина и спокойная ночь, но для начала хорошо бы опередить волчью охоту. Если повезет, на пути стаи попадется ослабевший олень, или запах добычи уведет волков в сторону от тракта. Если нет — остается надеяться, что он не ошибся в оценке барышни фор Циррент, и та не потеряет голову от ужаса и не станет вопить, визжать и совершать глупости.

Крохотная жаровенка, которые здесь использовали для отопления карет, на взгляд Жени, годилась разве что для напоминания о том, что где-то впереди ждет настоящее тепло. Или для утешения: наверное, без нее было бы еще хуже. Вот когда оценишь блага цивилизации — и не интернет вовсе, а хотя бы асфальт и автобусы, не говоря уж о железных дорогах!

К постоянному двору добрались по сумеркам. Хотя это ни о чем не говорило: зимой темнеет рано, а уж когда над лесом нависли свинцовые тучи и всюю метет метель, и вовсе не поймешь, вечер сейчас или день. Хотя сосущее чувство голода указывало скорее на вечер.

Лейтенант подхватил ее под руку, она же, в свою очередь, вцепилась в Солли: нехорошо было бы оставить ту без поддержки. Женя отворачивала лицо от ветра, жмурилась, но колю-

чий снег все равно бил в глаза, выжимая слезы, и какие-то десять шагов до дверей растянулись, казалось, на сто-двести метров. Позади слышалась ругань конюхов, нетерпеливое ржание коней, чувших сено, ячмень и отдых в теплой конюшне, а где-то совсем далеко, как показалось Жене, переливчато выли волки. Или это шутки ветра и метели? Она хотела спросить, но лейтенант уже открыл дверь, в лицо ударил благословенно теплый воздух, насыщенный запахами переваренных овощей, мяса, кислого пива и мокрой одежды.

— А ну, пропустили благородную барышню к огню! — рявкнул ее спутник, мгновенно притянув к ним все взгляды:

Женя поморщилась, но народ расступился: видно, лейтенант фор Ганц куда лучше нее понимал, как нужно вести себя в подобных местах. Очаг, напоминавший камин, разве что повыше, жарко пылал, можно было протянуть к огню озябшие ладони и наконец-то расслабиться: здесь бояться нечего, ни метели, ни волков, а с людьми, если вдруг что, охрана справится. Тепло медленно растекалось по телу, расслабляло уставшие от холода и неподвижности мышцы, Женя глубоко вздохнула, подумав: «Как же хорошо, и как иногда мало нужно для счастья. Всего-то согреться, хотя еще бы поесть, конечно».

Она слышала краем уха, как лейтенант фор Ганц договаривается с хозяином: комнаты, ужин, глентвейн для барышни... И вдруг ухватила краем уха из возобновившихся вокруг разговоров: «Ларк».

Кажется, говорил кто-то из ее же охранников, но Женя совсем не была в этом уверена: их голоса она слышала не так часто, чтобы узнавать в общем гвалте. Оглядываться не рискнула, вместо этого сделала крошечный шагок в сторону говоривших, уступая Солли побольше места перед огнем. Теперь, если прислушаться, получалось ухватить часть фраз.

«Сейчас бы попивать вино в Офицерском...»

«Брось, всем сейчас не до вина, мы еще...»

«...спокойная и не капризная, не то что...»

«Да, хорошая будет короле...»

— Пойдемте, барышня, — фор Ганц подал ей руку, — в комнатах тепло, глентвейн и горничную пришлют тотчас же, ужин обещают через час.

До комнаты Женя дошла молча. Честно говоря, просто не знала, что делать и что сказать. Даже не верилось, что она поняла правильно — мало ли о ком болтают?!

А о ком еще, с другой стороны, могут болтать ее охранники, обсуждая поездку с ней?!

Лейтенант придержал дверь, и Женя решилась:

— Войдите на минутку, господин фор Ганц. Пара слов конфиденциально.

— Это не вполне прилич...

— Входите, — почти прошипела Женя. — Есть приличия, а есть темы, о которых не говорят в коридоре! Вы, в конце концов, офицер и благородный человек, или я не могу положить на вашу честь?!

Фор Ганц ошарашено кивнул, шагнул в комнату и беззвучно прикрыл за собой дверь. Женя глубоко вздохнула.

— Лейтенант. Я прошу вас донести до ваших людей одну простую истину, которая, похоже, не укоренилась пока в головах андарских военных. Болтун — находка для шпиона. Поверьте, это так и есть на самом деле. Заметьте, я не говорю о том, что недостойно вслух и прилюдно обсуждать сплетни, касающиеся наследника престола и его отношений с дамами. Я говорю лишь о том, что это может оказаться опасным. Например, для репутации принца. Или для жизни дамы. Или для планов принца на будущую женитьбу, если слухи ложны. Или, в конце концов, для карьеры болтуна, если однажды он вот так же выболтает что-нибудь действительно важное. Хотя в последнем случае жалеть будет, разумеется, не о чем. Вы понимаете меня, господин фор Ганц?

Лейтенант сглотнул и резко кивнул, едва не уткнувшись подбородком в грудь.

— Понимаю, виконтесса. Разберусь.

— Благодарю.

Женя хотела еще сказать прямо, что слухи эти на самом деле только слухи, но... Во-первых, начнешь оправдываться — только подтвердишь, что «что-то тут нечисто» и «нет дыма без огня». А во-вторых, вдруг и в самом деле сам король к этой дурной сплетне руку приложил? Она не успела перед отъездом толком поговорить с графом, а ведь он явно не был доволен «идеей его величества». Вот интересно, Ларк вообще знает, что его уже практически почти женили?! «Если знает, убью заразу! Ну ладно, не убью, принц все же, но по морде он у меня получит не фигурально! А то ишь, повадились, то пари, то...»

Лейтенант уже ушел, Солли разделась сама и помогла «молодой хозяйке» снять тяжелую меховую накидку, постучалась горничная с глинтвейном на подносе, а Женя все крутила в голове вопросы, которые некому здесь было задать, предположения и просто возмущенные реплики — прекрасно понимая, что никому она их не скажет, потому что адресовалось ее возмущение по большей части королю. А ведь Ларк проговорился как-то, что дед предлагал ему на ней жениться! Они еще посмеялись тогда, что, мол, хороша бы вышла королева, которая о собственной стране ничего не знает, потом Ларк уже серьезно сказал, что на самом деле это не препятствие, а Женя — «нет, спасибо, мне такая ответственность даром не сдалась». Может, зря она решила, что тем разговором все выяснилось и закончилось?

Теперь Женя снова жалела об интернете или хотя бы о телефоне. Ей срочно, просто катастрофически срочно нужно с кем-нибудь посоветоваться! Лучше, конечно, с графом, но и с тетушкой можно. И Ларку задать вопрос прямо в лоб. А придется ждать, пока вернется из Тириссы.

«Ладно, — мрачно пообещала себе Женя, — вернусь, разберемся, и мало никому не покажется! А пока остается только ждать...»

ГЛАВА 6, в которой принц Ларк всерьез задумывается о воздухоплавании

Подготовка к очередной военной кампании, хоть и требует времени, сил и внимания к мелочам, иногда одаривает внезапными передышками. Когда все распоряжения отданы, письма написаны, курьеры отправлены, и остается только ждать — ответов, информации, поставок...

Ларк ненавидел ждать. Деятельная натура толкала на авантюры, а нелюбовь к политике заставляла искать приключений подальше от королевского дворца и зорких глаз деда. Еще с полгода назад он использовал бы перерыв в делах для необременительной любовной интрижки, но вконец испорченные отношения с банкирским домом дель Гьяппа и последние газетные сплетни несколько отвратили мысли принца от дамских прелестей: право же, все эти юбки не стоят тех проблем, которые они доставляют!

Если бы не отъезд Джегейль, он воспользовался бы случаем и напросился на очередную порцию занятных бесед. Плевать на сплетни, благо, барышня фор Циррент не придает им особого значения. Зато с ней интересно поговорить, да и вопросы накопились. Но теперь встретятся они не скоро: когда Джегейль вернется из Тириссы, Ларк, скорее всего, уже отправится к театру военных действий. С другой стороны... Ларк достал бережно свернутый лист писчей бумаги, развернул. Небрежный рисунок будоражил воображение, а Джегейль призналась, что очень мало знает именно по этой теме. Значит, пришла пора искать ответы самому.

Ресурсы официально признанного наследника престола позволяют очень многое, и Ларк умел ими пользоваться. Правда, задуманное стоило держать в строжайшей тайне, но дополнительный заказ на особо плотную парусину, канаты разной толщины и легкое каркасное дерево вряд ли кого удивит сейчас. А расчеты...

Нет, принц не совсем еще забыл все те знания, что вдалбливали в его голову домашние учителя и университетские профессора. Кое-что он даже не забросил, в той же картографии, например, считался знатоком, а вот сложные расчеты никогда не были его коньком. Но мэтр Грожекбец, преподававший прикладные вычисления небольшой группе будущих офицеров, был к ним снисходителен, постоянно вдалбливая единственную мудрость: «Вы должны твердо понимать, что сможете вычислить сами, а для чего вам понадобится помощь». Ларк подозревал, что мэтр попросту не желал подпускать дилетантов к своей любимой науке, ведь личных учеников тот гонял, по слухам, в хвост и в гриву.

Человеком тот был надежным, а если еще взять клятву о неразглашении... Ларк свернул заветный листок и отправился в университет.

Кабинет мэтра Грожекбца был все так же тесен и захламлен бумагами, а его хозяин — все так же небрежно-лохмат, одет все в тот же потертый камзол и по-прежнему смотрел на Ларка с добродушной насмешкой.

— О, ваше высочество, что за беда привела вас в эти стены?

— Здравствуйте, мэтр, отчего сразу беда?

— Я не могу, разумеется, сказать, что вас вовсе не отличает тяга к знаниям, однако ваши предпочтения лежат в несколько иной области. Вот если бы вы навестили моего почтенного коллегу профессора Дюкрабьена, тогда другой разговор.

— К мэтру Дюкрабьену я зайду обязательно, картограф мне тоже понадобится, — живо отозвался Ларк. — Но, видите ли, дорогой мэтр, я к вам с идеей настолько новой, что, признаться, даже не знаю, как подступиться к объяснениям. Мне нужна ваша помощь в совершенно необычайных расчетах, причем исходные данные придется, я полагаю, добывать опытным путем.

«Новая идея» и «совершенно необычайные расчеты» — это были как раз те слова, от которых легкая насмешка в глазах мэтра Грожекбца сменялась фанатичным огнем. Ларк прекрасно знал, на какую наживку подловить достойного профессора. Оставалась подсечка, последний, завершающий штрих:

— Вот только, профессор, вы уж простите, я вынужден буду взять с вас клятву о неразглашении. И с вас, и с профессора Дюкрабьена, когда он присоединится к нашему исследованию. Я понимаю всю важность научного общения, но здесь открываются невероятные перспективы, мы не имеем права допустить хоть малейшую огласку.

Мэтр указал принцу на вытертое кресло, в которое он сажал лишь избранных посетителей, закрыл окно и запер дверь.

— Я готов, ваше высочество. Надеюсь, задача окажется интересной.

— Это я вам гарантирую, дорогой мэтр.

Между тем в Тайной Канцелярии затишьем и не пахло. Графу фор Цирренту оставалось лишь радоваться, что его высочество в кои-то веки использовал выпавшую передышку не на обычные свои эскапады, а на интересные и, возможно, полезные задачи. Плотнo следить за принцем и устранять с его пути убийц было сейчас решительно некому, а беседы с почтенным университетским профессором если и обещали проблемы, то разве что в отдаленной перспективе.

Поэтому граф всего лишь запустил проверку по линии Тайной Канцелярии обоих профессоров, которых Ларк намеревался втянуть в свое новое увлечение, и обеспечил им ненавязчивую охрану. Дальше оставалось наслаждаться представлением. Сказать по чести, ему и самому было любопытно.

На три дня Ларк едва ли не поселился в кабинете мэтра Грожекбца. Что уж они там обсуждали, бог весть, но, когда профессор выходил читать лекции, глаза у него нехорошо горели, а мысли явно витали весьма далеко от аудитории. Впрочем, подобное случалось с профессором регулярно, так что никто ничего не заподозрил.

На четвертый день Ларку доставили первые заказы, и граф счел нужным вмешаться.

— Ваше высочество, позвольте поинтересоваться, где вы намерены проводить испытания? Разумеется, я знаю, чем вы так увлечены, — добавил он со вздохом, очень уж явное изумление возникло во взгляде Ларка. Право же, пора избавляться от остатков наивности! — Многообещающая идея, но вам следует тщательней подходить к обеспечению секретности. Могу предложить мастерскую при Тайной Канцелярии, у нас там сидит замечательный слегка безумный механик, он прекрасно впишется в вашу компанию заговорщиков от науки. И, что куда важнее, гарантированно сохранит тайну.

— И станет обо всем докладывать вам?

— А вы против?

Ларк усмехнулся:

— А вы знаете, граф, не против. Я еще и вас приглашу подняться над землей!

— Заранее принимаю столь любезное приглашение. Итак, познакомить вас с мастером Курбом? Пойдемте, я велю заложить карету. Мастерская за городом, ехать туда лучше тайно. Зато ваших опытов никто не увидит.

Мастер Курб — настоящая его фамилия была много длиннее и трудно запоминалась — попал в Тайную Канцелярию лет десять назад с захваченного пиратского брига, да так и прижился. Родом он был из заокеанских колоний, а корнями — откуда-то из тех земель, на которые Джегейль смотрела, листая атлас, с особенною грустью в глазах. К пиратам его занесло с голодухи, корабельным плотником, о его увлечении «всякими рукодельными штуковинами»

те не знали, а кто знал, считал блажью. А вот король, когда граф фор Циррент рассказал ему о некоторых идеях занятого пленника, усмотрел в них потенциал.

Повелением короны Курбу дали амнистию и подданство, выделили хорошо охраняемую мастерскую, всеми способами закрыв ее от посторонних, и лично король взял клятву о неразглашении, подкрепив ее ментальным блоком — теперь мастер умер бы, едва пожелав разболтать хоть что-то из доверенного. Благо, он был молчалив и достаточно нелюдим, чтобы это жесткое условие ничуть не мешало ему жить спокойно.

А самое любопытное, что среди задумок мастера было нечто весьма близкое планам Ларка. Не шар, способный поднять в воздух людей, а крылья для одного человека. Мастер колотился над ними уже года три или четыре, пробовал разные материалы и форму, но пока все испытания заканчивались крахом. Возможно, имело смысл давно уже подогнать ему в пару ученого человека для расчетов, но до разговоров с Джегейль граф считал идею полетов блажью и попросту закрывал на нее глаза. В конце концов, мастер делал достаточно по-настоящему полезных вещей, чтобы позволить ему заведомо неперспективное увлечение.

Простая карета с плотно задернутыми шторками не вызывала любопытства. Путь от дворца к вотчине Курба, если не верхом на горячем скакуне, а в этом вот медлительном экипаже, занимал не меньше двух часов, и все это время граф рассказывал Ларку о мастере: тот должен был знать, с кем имеет дело. Среди вещей, которые Курб делал для агентов Тайной Канцелярии, были весьма полезные: кубки, шкатулки и зеркальца с хитрыми тайниками, пистолеты с секретом, бесполезные в чужих руках, потайные фонари, узкие лезвия, спрятанные в самых неподходящих, казалось бы, предметах... Боевому офицеру такие ухищрения без надобности, но будущему королю знать не вредно.

Хотя Ларка — вполне ожидаемо! — заинтересовало совсем другое. Проект безлошадного экипажа, приводимого в движение самими седоками, и такой же безвесельной лодки. Система движущихся зеркал для мгновенной передачи сигналов — вполне рабочая на самом деле идея, только финансов и материалов требует слишком много. Те самые крылья.

— Право же, граф, вы могли и раньше свести меня с настолько интересным человеком.

Фор Циррент не стал напоминать, что еще с полгода назад принц куда больше интересовался веселыми красотками. Лишь сказал:

— Всему свое время и свой черед, ваше высочество. Раньше это знакомство лишь потешило бы ваше любопытство, но теперь из него может вырасти нечто весьма полезное.

— И почему вы всегда оказываетесь правы? — проворчал Ларк. Этот вопрос ответа явно не требовал, и граф лишь усмехнулся.

После серии неудачных опытов к отряду «заговорщиков от науки» присоединился маг — все тот же Тил Бретишен, уже знакомый Ларку по работе над амулетами невидимости. Тогда, правда, Ларк и помыслить не мог, что из короткого и весьма эпизодического знакомства вырастет что-то полезное. Тем не менее с появлением в их команде мага дело не просто сдвинулось, а понеслось вскачь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.